

ГЛАВА V.

Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ.

I. Швеція и Польша.—II. Коалиции.—III. Разстройство союзовъ. Магнусъ. — IV. Кандидатура Ивана на польскій престолъ. — V. Избраніе Баторія.

I.

Швеція и Польша.

Разрѣшенъ ли окончательно въ настоящее время вопросъ объ обладаніи балтійскими провинціями? Было бы чрезчуръ смѣло утверждать это. Вполнѣ возможно, что вопросъ этотъ вновь станетъ, если не причиной, то, по крайней мѣрѣ, объектомъ новой борьбы, которая направитъ другъ на друга силы еще болѣе грозныя, нежели тѣ, столкновеніе и бѣшеную схватку которыхъ видѣлъ XVI, вѣкъ.

Элементы вопроса, конечно, измѣнились; однако, это измѣненіе не такъ велико, чтобы дѣйствительность—живая либо могущая возродиться, не узнала себя въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя я попытаюсь вызвать. Тутъ-то и есть главный интересъ этой страницы исторіи. Физіономія Ивана рельефно вырисовуется въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, на которые я попытаюсь бросить свѣтъ: въ этомъ ихъ единственная привлекательность. Для большей ясности я заранѣе намѣчу фазы, различаемыя въ послѣдовательности событій, сложность и исключительная запутанность которыхъ требуетъ руководящей нити. Заранѣе я призываю къ терпѣнію моихъ читателей. Думая о будущемъ, быть можетъ, близкомъ, они съ удовольствіемъ вернуться къ поучительному прошлому или, по крайней мѣрѣ, оцѣнить пользу этого возврата.

Первая фаза борьбы заканчивается 1564 годомъ: колеблясь между союзомъ съ Польшей и договоромъ со Швеціей, Иванъ ведетъ осторож-

ную политику съ Даніей и побѣдоносно разить Польшу. Вторая фаза соотвѣтствуетъ времени съ 1584 по 1568 годъ. Сигизмундъ-Августъ заключаетъ союзъ съ Фридрихомъ II; это вызываетъ сближеніе Москвы со Швеціей и сухопутную войну между шведами и датчанами. Въ Ливоніи Ивану удастся занять преимущественное положеніе; но подобно тому, какъ въ Польшѣ всѣ силы правительствъ было поглощены и парализованы внутренними смутами, такъ и борьба съ боярами и старымъ порядкомъ отвлекаетъ Ивана отъ ливонской войны. Это эпоха опричнины. Слѣдуетъ третья фаза. Въ 1568 году Эрикъ XIV низложенъ съ трона, на который вступаетъ Іоаннъ III, шуринъ Сигизмунда-Августа. Между Швеціей и Даніей заключается перемиріе при дѣятельномъ посредничествѣ Польши. Передъ угрозой новой коалиціи, Иванъ старается привлечь Магнуса на свою сторону. Наступаетъ четвертый періодъ войны. Смерть Сигизмунда-Августа въ 1572 году на время выводитъ Польшу изъ строя. Иванъ заявляетъ свои притязанія на наслѣдіе Ягеллоновъ. Наконецъ, открывается пятый періодъ войны. Избраніе Баторія содѣйствуетъ новому, побѣдоносному выступленію Польши на сцену и рѣшаетъ исходъ борьбы почти исключительно въ ея интересахъ.

Несмотря на то, что борьба велась изъ-за нѣмецкихъ земель или, по крайней мѣрѣ, изъ-за областей, подвергшихся германизации, сама Германія, какъ видимъ мы, не принимаетъ въ войнѣ никакого участія. Ей выпали роль и положеніе нейтральной страны, хотя отъ времени до времени она и дѣлала безсильныя попытки вмѣшаться. Германія оставалась внѣ борьбы, ожидая своего часа; конечно, она ничуть не отказывалась отъ своихъ правъ и ничѣмъ не поступалась ни въ своемъ честолюбіи, ни въ своихъ надеждахъ. Въ 1514 году Москвѣ удалось отнять у Польши Смоленскъ. Съ тѣхъ поръ, какъ сказано, въ теченіе полувѣка отношенія между обоими государствами сохраняли колеблющійся характеръ—ни мира, ни войны. Враги то воевали, то мирились; иногда и то и другое происходило одновременно. Формально споръ шелъ, какъ будто, объ одномъ Смоленскѣ и прилегающей области; но, въ сущности, дѣло касалось гораздо болѣе крупныхъ вопросовъ. Переговоры между сторонами постоянно возобновлялись. Конечно, они оставляли за собою документальный слѣдъ. Какъ только опять начинались эти сношенія, Польша требовала уже не только Смоленска, но и Новгорода со Псковомъ, какъ старыхъ владѣній Литовскаго княжества. Съ своей стороны, Москва не ограничивалась

этими городами, но еще заявляла притязанія на всѣ русскія земли, подпавшія польскому владычеству. На этомъ переговоры обрывались. Польскіе или русскіе послы объявляли, что мирныя сношенія прекращаются, что правительство отзывалось ихъ обратно; иногда они уѣзжали совсѣмъ внезапно, но всякій разъ охотно уступали просьбамъ вернуться и, за невозможностью окончательнаго разрѣшенія спора, соглашались на какую-нибудь временную уступку. Вопросъ о наслѣдственныхъ владѣніяхъ оставался открытымъ. Но тогда возникалъ новый споръ. Польша не хотѣла признать царскій титулъ за Московскимъ государемъ, а Иванъ упрямо отказывался величать Сигизмунда-Августа королемъ. Наконецъ, дабы выйти изъ затрудненія, составляли двойную редакцію договора: одну на польскомъ, а другую на русскомъ языкѣ. Тогда послы подписывали перемиріе.

Мы видимъ, какъ трудны были польско-русскія отношенія. Ливонскій вопросъ не только не упростилъ ихъ, но еще внесъ въ эту область новое осложненіе. Впрочемъ, въ 1560 году, какъ разъ тогда, когда по договору съ магистромъ Кеттлеромъ Польша самымъ рѣшительнымъ образомъ собиралась вмѣшаться въ русско-ливонскую войну, Иванъ уже снаряжалъ въ Варшаву чрезвычайнаго посла, который долженъ былъ сдѣлать королю весьма миролюбивыя предложенія. Но тутъ произошло неожиданное событіе, значеніе котораго многими преувеличивалось; во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что оно повліяло на настроеніе государя, на его характеръ и даже, въ нѣкоторой степени, на самую его политику. Царь лишился своей супруги, царицы Анастасіи. Мы уже видѣли, что молва создала изъ нея какого-то ангела-хранителя при Грозномъ; къ своему сожалѣнію, я вынужденъ былъ отнестись къ этой легендѣ нѣсколько скептически. Конечно, Иванъ горячо любилъ мать своихъ дѣтей; вполне вѣроятно, что тихія семейныя радости, которыми наслаждался онъ только съ ней одной, и сдерживали нѣсколько его жестокіе и грубые порывы. Быть можетъ, горе, причиненное утратой любимой подруги, произвело на характеръ Ивана совершенно обратное дѣйствіе. Ничего болѣе точнаго сказать объ этихъ отношеніяхъ нельзя. Но, во всякомъ случаѣ, ни любовь, ни печаль Ивана не могли быть особенно глубокими: мы знаемъ, что первой заботой царя, тотчасъ послѣ смерти Анастасіи, было найти себѣ новую супругу.

У Сигизмунда-Августа было двѣ незамужнихъ сестры. Поэтому главной цѣлью посольства, снаряженнаго Иваномъ въ Польшу въ

лицѣ окольниковъ Оедора Ивановича Сукина, было добиться руки одной изъ нихъ для Московскаго государя. Это предложеніе было принято королемъ довольно нелюбезно; послѣ долгихъ переговоровъ, онъ съ трудомъ согласился позволить послу тайкомъ посмотрѣть обѣихъ сестеръ въ костелѣ. Случайно или намѣренно,—младшая, Екатерина, обернулась лицомъ къ Сукину; это явилось прологомъ одной изъ самыхъ мрачныхъ трагедій того времени,—вообще, богатаго всякими драматическими эпизодами. Сукинъ постарался расписать царю прелести королевны въ самыхъ яркихъ краскахъ; но, и помимо того, въ глазахъ самого Ивана эта невѣста имѣла особую привлекательность. Братъ ея, король Сигизмундъ-Августъ, не имѣлъ по себѣ прямого наслѣдника: такимъ образомъ, Екатерина являлась представительницей дома, на наслѣдственныхъ правахъ владѣвшаго Литвою. Съ рукою ея царь всея Руси получалъ новое и неоспоримое право заявить свои притязанія на вотчину свою—литовскія земли. Своенравный и страстный характеръ Ивана заставлялъ его все болѣе и болѣе увлекаться этимъ замысломъ. Въ ближайшіе годы, какъ мы увидимъ, эта идея явится руководящимъ началомъ всей внѣшней политики Грознаго.

Вполнѣ вѣроятно, что единственной цѣлью Сигизмунда-Августа въ этомъ сватовствѣ было затянуть дѣло подъ приличнымъ предлогомъ. Конечно, затрудненія создавались уже различіемъ вѣры между царемъ и его невѣстой. Но, помимо того, именно вопросъ о наслѣдственныхъ правахъ на литовскія земли и казался Польшѣ самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ браку Екатерины съ Иваномъ. Этотъ союзъ угрожалъ цѣлости Польскаго государства; онъ могъ погубить все дѣло объединенія Польши и Литвы, завершить которое стремился послѣдній изъ Ягеллоновъ. Наконецъ, Екатерина уже была почти помолвлена за брата Шведскаго короля—Юанна, герцога Финляндскаго. Въ 1562 году это сватовство заключилось бракомъ. И, тотчасъ же, между Польшей и Московскимъ государствомъ возобновились враждебныя дѣйствія.

Опять началось то, что было раньше: среди войны шли мирные переговоры, мирные переговоры прерывались новыми вооруженными столкновеніями. Иванъ писалъ Сигизмунду-Августу оскорбительныя посланія; въ отместку за нихъ, польскій король подстрекалъ крымскаго хана къ набѣгу на русскія земли. Въ февралѣ 1563 года самъ царь сталъ во главѣ многочисленнаго войска, въ которомъ везли гробъ,

приготовленный, по словамъ царя, либо для польскаго короля, либо для него самого. Этотъ походъ увѣнчался крупной побѣдой: вслѣдъ за Смоленскомъ въ рукахъ русскихъ оказался и Полоцкъ. То былъ центръ крупнѣйшаго польско-литовскаго воеводства; одновременно съ тѣмъ онъ являлся важнымъ пунктомъ торговыхъ сношеній съ Ригею. Превосходство русской артиллеріи сказалось и здѣсь; до самаго выступленія Баторія она, обыкновенно, рѣшала дѣло при осадѣ городовъ. Настойчивѣе, чѣмъ прежде, Иванъ заговорилъ о возвращеніи ему Кіева; онъ издѣвался безпощадно, какъ всегда, надъ своимъ несчастнымъ противникомъ, который въ поискахъ поддержки своимъ притязаніямъ на Ливонію, взывалъ къ Шведскому королю, величая его братомъ: «Это ли брата нашего правда, что ссылается съ Шведскимъ на насъ?—спрашивалъ Иванъ,—а что онъ не бережетъ своей чести, пишется Шведскому братомъ равнымъ, то это его дѣло, хотя бы и водовозу своему назывался братомъ—въ томъ его воля...» Но уже въ слѣдующемъ году полякамъ удалось отплатить за свое пораженіе: это произошло близъ Орши, на берегу Улы, на томъ полѣ битвы, которое уже два раза—въ 1508 и 1514 году—оказывалось роковымъ для русскаго войска. Здѣсь кн. Николай Радзивиллъ Рыжій наголову разбилъ кн. Петра Ивановича Шуйскаго.

Царь тотчасъ забылъ о своемъ недавнемъ презрѣніи къ «Шведскому», и самъ сталъ искать сближенія съ Эрикомъ XIV. Еще при вступленіи своемъ на престолъ, этотъ король поспѣшилъ отправить въ Москву чрезвычайное посольство. Правда, отъ русскаго правительства онъ видѣлъ потомъ самое оскорбительное отношеніе. Но, не взирая на это, не слушая признаннаго своего совѣтника Филиппа де Морнэ, указывавшаго на преимущество союза съ Польшой, онъ упорно слѣдовалъ своей первоначальной политикѣ. Одновременно съ этимъ онъ старался расширить свои владѣнія въ Ливоніи. Въ 1563 году при содѣйствіи помощника рижскаго епископа, Кристофа, добивавшагося руки сестры короля, принцессы Елисаветы, Эрикъ XIV сдѣлалъ въ Ливоніи крупное приобрѣтеніе. Онъ получилъ городъ Вольмаръ, Венденъ, Кексгольмъ, Пернау и Падисъ. Теперь, послѣ пораженія на Улѣ, царь дѣлалъ ему неожиданныя предложенія. Эрикъ рѣшилъ, что дѣло его выиграно. Сначала былъ возбужденъ вопросъ о дѣлежѣ ливонскихъ земель поровну между обоими; но потомъ «Шведскому» пришлось уступить. Сперва Иванъ требовалъ себѣ львиную часть, предоставляя Эрику лишь Ревель, Пернау и Виттен-

штейнъ. Потомъ, совершенно неожиданно, онъ опять заговорилъ о польской королевнѣ Екатеринѣ. Теперь она была уже герцогиней Финляндской; но Иванъ когда-то надѣялся обладать ею, и не хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній. Ему нужна была почти вся Ливонія, а, въ придачу къ ней, злополучная Екатерина. Она была замужемъ: Ивану не было до этого дѣла. Какой-то герцогъ Финляндскій—стоило ли говорить объ немъ! Самъ царь былъ женатъ. Но и это ничего не значило: супруга была подданная его, раба. Впослѣдствіи Иванъ старался оправдать свое покушеніе на свободу желанной женщины и на святость ея брачныхъ узъ и собственного семейнаго очага. По его словамъ, онъ думалъ, что герцогъ Іоаннъ уже умеръ... Онъ увѣрялъ, что у него и на умѣ не было жениться на Екатеринѣ или сдѣлать ее своей наложницей. Онъ просто хотѣлъ въ ея лицѣ имѣть политическій залогъ...

Словомъ, царь давалъ самыя неправдоподобныя объясненія своему образу дѣйствій. Но, во всякомъ случаѣ, налицо остается возмутительный фактъ: Иванъ, безъ всякаго стыда, упорно заявлялъ требованія о выдачѣ ему этой новой Елены, изъ-за которой собирались воевать между собою народы. Конечно, его намѣренія были далеко нечистыми. Побужденія его были очень ясны. Разумѣется, бѣшеный деспотъ добивался женщины; но еще больше предметомъ его властныхъ желаній была вся та же вотчина его—Литва.

На первыхъ порахъ король Эрикъ XIV проявилъ почти геройское мужество. Онъ не хотѣлъ ни выдать своей невѣстки, ни отказаться отъ Ливоніи. Онъ уже заговаривалъ о союзѣ съ Польшей, съ императоромъ, со всѣми нѣмецкими князьями въ цѣляхъ совместной расправы съ московскимъ варваромъ. Но скоро его мстительныя надежды столкнулись съ самой угрожающей дѣйствительностью. Уже съ 1561 года между Польшей и Даніей начались переговоры. Теперь они только-что пришли къ концу. 5-го октября 1563 года отъ стороны подписали въ Штетинѣ условія оборонительнаго и наступательнаго союза. Затѣмъ послѣдовало соглашеніе съ Любекомъ, послѣ чего къ коалиціи долженъ былъ присоединиться весь Ганзейскій союзъ. Со своей стороны, Иванъ IV также началъ переговоры съ Даніей. 7-го августа 1562 года въ Можайскѣ имъ былъ подписанъ договоръ, въ силу котораго оба государства обязывались совместно дѣйствовать противъ Польши и Швеціи. При этомъ Иванъ призналъ права Даніи на Эстонію, Эзель и Пильтенъ. Такимъ образомъ Швеція ока-

залась изолированной. Ей пришлось капитулировать. Быть может, она обнаружила излишнюю уступчивость и готовность идти на жертвы. Послы Эрика отправились въ Дерптъ и выразили согласіе сноситься съ московскимъ правительствомъ не иначе, какъ черезъ посредство намѣстника Новгорода и русскоѣ Ливоніи—Михаила Яковлевича Морозова. Далѣе, они пошли почти на всѣ условія, которыя ставилъ Иванъ еще раньше. Они отказались въ его пользу отъ Ливоніи, за исключеніемъ Ревеля, Пернау, Виттенштейна и Каркгуза. Въ довершеніе всего, по тайному договору, они обязывались, повидимому, выдать царю Екатерину. Впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ, Иванъ неотступно требовалъ выполненія этого условія. Надобно признаться, однако, что у насъ нѣтъ достаточно опредѣленныхъ и надежныхъ свидѣтельствъ, которыя подтверждали бы наличность подобнаго договора. Правда, Эрикъ всегда былъ противникомъ того брачнаго союза, который дѣлалъ его брата естественнымъ сторонникомъ Польши. Съ другой стороны, какъ разъ, когда совершалось бракосочетаніе герцога Іоанна и Екатерины, въ Польшѣ находились Датскіе послы. Это свидѣлствуетъ о томъ, что дипломатическія комбинаціи, поставившія теперь Швецію въ столь затруднительное положеніе, намѣчались, быть можетъ, еще тогда. Повидимому, тогда же былъ возбужденъ вопросъ и о независимости Финляндіи. Во всякомъ случаѣ, не дожидаясь подтвержденія своихъ подозрѣній, Эрикъ поспѣшилъ воспрепятствовать своему непокорному брату выполнить его тайные планы. Послѣ непродолжительной борьбы, Іоаннъ былъ захваченъ въ плѣнъ и заключенъ въ замокъ Грисгольмъ. Екатерина рѣшилась раздѣлить участь своего мужа. Теперь король могъ поступить съ ней такъ, какъ было угодно его грозному союзнику.

Таковы ли были истинныя намѣренія Эрика, или же его послы сами превысили свои полномочія? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать рѣшительный отвѣтъ. Достоверно одно: Дерптскій трактатъ не удостоился утвержденія въ Стокгольмѣ. Начались новые переговоры: на этотъ разъ они закончились лишь временнымъ перемиріемъ. Во всякомъ случаѣ, Эрикъ оказался лицомъ къ лицу съ двумя врагами—Польшей и Даніей; это заставило его, волей-неволей, сдѣлаться союзникомъ Ивана. Подобный союзъ ставилъ его на скользкій путь, который рано или поздно долженъ былъ привести его къ гибели. Такъ или иначе, создались двѣ коалиціи. Что касается Магнуса, владѣнія котораго ограничивались теперь Эзелемъ, Даго и нѣсколь-

кими крѣпостями, то онъ держался пока въ сторонѣ отъ борьбы. Онъ ждалъ лишь удобнаго случая, чтобы занять въ ней наиболѣе выгодное положеніе.
